

ПУТЬ К ИСКУССТВУ

(ЗАМЕТКИ АКТРИСЫ)

346
Когда я пришла в школу Бахтангова, после экзамена Евгений Багратионович Бахтангов спросил меня: «Как вы относитесь к дисциплине?». Я дрожащим голосом ответила: «Хорошо отношусь», — еще не совсем понимая, для чего меня об этом спрашивают. Потом-то, в течение всей своей жизни, я поняла, что без дисциплины и труда нет и не может быть искусства.

Три года я училась, впитывала в себя первые впечатления о театре и жила, если можно так выразиться, «во все глаза и уши». Помню, как с некоторым удивлением я наблюдала за Борисом Васильевичем Шукиным, который ежедневно приходил в 9 часов утра в студию и упражнял свой голос. Я думала: зачем это? И так у него голос хорош, а вчера репетиция кончилась в четыре часа утра. Теперь-то я понимаю, зачем это было нужно. Он не только делал свой голос еще красивей и звучней, — он приучал свой голос ежедневной трепировкой повиноваться ему в самых тончайших оттенках. И, думаю, не будь Шукин таким необычайно трудолюбивым и требовательным художником, он никогда бы не смог создать яркий и правдивый образ Владимира Ильича Ленина.

Кончилась школа, я стала вместе со своим учителем Юрием Александровичем Завадским создавать театр. И тут началась моя трудная жизнь «от юнги до капитана».

Играла я тогда очень мало, так как не совсем еще ясно было, что именно я могу играть. И только постепенно, после самых крошечных ролей, мне стали поручать большие роли, — да и то, если я хорошо играла маленькие.

Ежегодно наш театр ездил по многим городам страны. Три года подряд мы ездили в Донбасс, и до сих пор у меня сохранились интереснейшие воспоминания о встречах с людьми Донбасса. Надо сказать, что больше всех книг, картин и рассказов актера питают встречи с живыми людьми.

Очень много дали мне последние четыре года работы в Ростове-на-Дону. Казалось бы, что после Москвы Ростов — это периферия. Но могу сказать, что в культурных потребностях зрителя здесь и там вы не найдете разницы.

Надо еще сказать, что в Ростове я имела возможность играть больше, чем в Москве. А это очень важно для творческого роста актера. Из наиболее интересных для меня работ были «Любовь Яровая», роли королевы в «Стакане воды» Скриба, Лизы в «Горе от ума» и Катарины в «Укрощении строптивой». В это же время в Ростове режиссеры Зархи и Хейфиц пригласили меня сниматься в картине «Член правительства» в роли колхозницы Александры Соколовой.

До тех пор, параллельно с работой в театре, я снималась во многих картинах, среди них были роли довольно интересные. Но роль Александры Соколовой была интереснейшей и труднейшей. Трудность ее заключалась в том, что образ этой женщины — близкий всем нам, понятный и любимый. Малейшая фальшь в исполнении этой роли была бы встречена кинозрителем как личное оскорбление. И для того, чтобы узнать Соколову, как самое себя, необходимо было проработать очень обширный материал.

Я изучала выписки из всех газет периода коллективизации, в которых говорилось о различных фактах, связанных с жизнью женщин в то время. Изучила все выступления колхозниц-ударниц на съездах. Специально изучала деревенский говор Московской области, слушая живую речь людей и фонограммы с записями народных сказок. Но самое главное, что дало мне ключ к роли Соколовой, — это была моя встреча в Доме крестьянина в Ленинграде со знатными колхозницами-орденоносцами, в том числе с Минной Таппо — известной льноводкой, депутатом Верховного Совета СССР.

Трудно рассказать о впечатлениях этой встречи. Передо мной были простые жен-

щины-колхозницы, льноводки, только что получившие ордена от советского правительства. Бывшие батрачки, еще недавно темные и неграмотные. Они плакали, рассказывая о своей прошлой жизни. Плакали от счастья, от сознания своей великой нужности стране. И чувствовалось, что каждая из них беспрдельно предана советской власти, что каждая из них в любую минуту все отдаст за нее, как и за свой колхоз, за свою сбывшуюся мечту о свободе. Вот это ощущение великой преданности и любви к своей родине, к товарищу Сталину было самым основным в моей работе над ролью Александры Соколовой.

Это была трудная, очень трудная работа. Понадобилось много сил и воли, чтобы довести ее до конца.

Вот день мой. Съемки идут по две смены, а иногда и ночью, так как иначе не соберешь всех актеров, занятых в других театрах. Встаю в половине восьмого, к десяти еду на фабрику, гримируюсь, надеваю костюм и иду в павильон. В павильоне идет своя жизнь. Ставят свет, декорации, реквизит. Сегодня надо играть такую сцену: «Тебя покидает любимый муж, оставляя с двумя детьми, без куска хлеба, потому что он не хочет, чтобы ты работала в колхозе».

Сцена слегка прорепетирована перед аппаратом. Сигнал. Тишина. И вот, когда идет съемка, — в тот самый момент, когда у тебя сердце разрывается на части, когда ты плачешь не глицериновыми, а настоящими слезами... «Стоп! Еще раз сначала!».

Оказывается, изменился свет в сцене, какой-то уголок потух в лампе. Снова собираешь все свое внимание, всю волю. Сигнал режиссера: «Приготовились, начали». Опять переживаешь, опять льются слезы. И снова — «стоп!». Проехал трамвай, звук его записался на пленку, — это брак, потому что возле деревенской избы не может быть трамвая.

Помню, однажды в такой горестный момент я пошла в соседний павильон, чтобы сосредоточиться. Это было часа в четыре утра. И там я увидела на съемке «Великого Гражданина» Боголюбова-Шахова. Изнемо-

гающий от усталости в перерыве между сьемками, он в момент самой сьемки словно заново рождался и играл замечательно. Так надо уметь себя мобилизовать. И это нужно не только в момент исполнения роли. В течение всей жизни, со школьной скамьи, необходимо приучать себя к дисциплине, к постоянной творческой мобилизованности.

После Ростова я переехала обратно в Москву, в театр Моссовета. Началась моя работа над ролью Мирандолины в пьесе «Трактирщица» Гольдони. Новая роль — это ведь не только другой костюм, другой грим и другие слова: это каждый раз новый человек с присущим ему характером, голосом, движениями. И вот играть этого нового для меня человека — очаровательную Мирандолину — должна я, с моей коренастой фигурой, с носом уточкой, с походкой вперевалочку.

Началась кропотливая работа над текстом, изучение всевозможных материалов об Италии, изучение игры русских и итальянских актрис, исполнивших роль Мирандолины. Но кроме этого, надо ежедневно тренировать свой голос, чтобы он стал более звонким и высоким, надо ежедневно танцевать (а это не укладывается в восемь часов репетиций) и, самое главное, нужно разгадать сущность Мирандолины. А ее сущность — это брызжущая молодость, азартная, не знающая преград на своем пути. И тут я начинаю интересоваться только теми людьми, в которых есть такое ощущение жизни, как у Мирандолины, при чем это могут быть не только женщины, но мужчины и даже дети. Я увидела Мирандолину в девочке 8 лет — Танечке, дочери скрипача, которая отличалась необычайной смелостью, безапелляционностью и глазами, которые во всем видели только интересное и веселое. Мирандолину я увидела и в наших девушках — жизнерадостных, сильных, распевających песни на улицах. И я надеюсь «усовершенствовать» свою Мирандолину, потому что, играя ее, я продолжаю работать над ролью. Иначе и быть не может. Искусство актера требует упорной работы, неустанного труда.

В. МАРЕЦКАЯ.